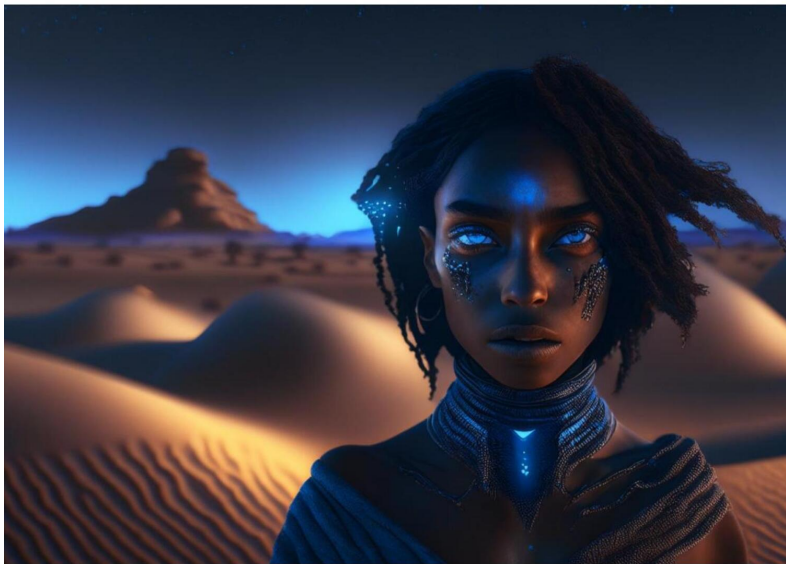

Люди Слова

Дерновая Ирина

Ирина Дерновая

Люди Слова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69391840

SelfPub; 2023

Аннотация

...Далеко в загадочной пустыне обитает племя Людей Слова. Им введена некая тайна или магия, позволяющая творить чудеса, о которых рассказывают далеко за пределами жарких суровых песков. Ты, путник, отправившийся на её поиски, жаждущий овладеть этим секретом, в самое сердце пустыни, рискуя затеряться и не быть найденным. Но тебя поманили слова, сказанные другими – и ты уже во власти Слова. Сказка эта поведена только тебе, ищущий Слова и почитающий Слово... (обложка создана в нейросети Lexica)

Ирина Дерновая

Люди Слова

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»

Евангелие от Иоанна, Новый Завет

«Тишина – гавань для корабля. Тишина Господня – гавань всех кораблей»

Антуан де Сент-Экзюпери «Цитадель»

...Вообрази себе язык, где каждое слово обозначает именно и только то, что оно обозначает. Где гора – это гора, небо – это небо, человек – это человек. Язык этот и слова его настолько целостны и полны, что произносимое слово «камень» – сразу, цельно, без лишних уточнений вызовет в уме его слышащего именно образ камня. Притом именно *того* камня, о котором говорят...

Тебе трудно представить такое? Ведь те языки, которые нам известны и известны тебе, переполнены словами, которые дополняют слова и объясняют значения слов... И чтобы понять, о каком камне идет речь, тебе придется назвать еще десяток определений: большой или маленький, просто булыжник или драгоценный минерал, где он лежит и каков его цвет. И всё это применимо и к остальным словам языков,

нам ведомых.

Но всё же попробуй вообразить...

Где-то в далеких песках, в пустыне столь жаркой и непри- ветливой, что даже самые отчаянные искатели приключений и сокровищ обходят её стороной; так вот, укрытое её ко- лочими – и благословенными песками, живёт удивительное племя: Люди Слова. Они выглядят как обычные люди, у них нет сияющих нимбов, рук и ног у них столько же, сколько и у нас, и на лбу не отверстый третий всевидящий глаз. Солнце сделало их сухощавыми и темнокожими, и дома их – столь же на первый взгляд иссушены и безыскусны.

Но мудрецы, ведающие об этом племени, не жалея сокро- вищ и иногда своих жизней, стремятся в их края, чтобы по- стичь Слово.

Попав в их селение впервые, ты можешь поразиться и усомниться, туда ли завел тебя хитроумный провожатый? Ты видел подобные деревеньки с глинобитными лачугами, увен- чанными плоскими крышами. Ты видел таких же коричне- вых, как кофейные зерна, людей, мужчин и женщин, стари- ков и детей, в длиннополых просторных одеждах, уберегаю- щих и от палящего зноя, и от хлестких пустынных ветров.

И даже присмотревшись еще раз и увидев, что стены до- мов возведены из желтоватого камня, и обнаружив, что из

камня словно бы цельного, ты всё равно можешь продолжить испытывать сомнения. Вслушиваясь в речь этих людей, ты не обнаружишь ничего сверхъестественного. Звуки их языка напомнят тебе речь тех пустынных племен, что встречались тебе не раз и не два в твоём странствии.

И изготовившись уже проклясть всеми мыслимыми проклятиями лукавого провожатого, ты ощутишь нестерпимую сухость в горле и жажду. И ты обратишься к какой-то женщине, несущей на плече высокий кувшин, попытаешься жестами и словами, схожими с их речью, показать, что тебе требуется. А она вдруг взглянет на тебя своими глазами, синими и глубокими, и произнесет одно лишь слово. И ты осознаешь всем своим существом, почти ощутишь физически – растрескавшимися губами, припухшим языком, саднящим горлом, что сказано – «вода». И ты замрешь в изумлении, но всё же сможешь кивнуть: «да». И женщина, с глазами более синими, чем самые драгоценные сапфиры, вдруг рассмеётся легко и необидно и пригласит тебя следовать за ней.

Ты пройдёшь по городу, замечая, что все дома возведены столь же причудливо, как и самый первый из виденных тобой, и есть в них неуловимое, неподдающееся описанию совершенство и полнота. Твой глаз вдруг начнет замечать на стенах словно бы резьбу, но не на поверхности камня, а как бы проступающую изнутри, если смотреть под особым уг-

лом. Твоя синеглазая провожатая тем часом пригласит тебя войти в одно из жилищ, и сказанное ею слово «дом» вновь вместит в себя *всё*, и даже то понимание, что это – дом её семьи. А внутри, за порогом тебя встретит сладостная прохлада и приятный глазу полумрак. Поднесенная же в глиняной чаше вода будет столь свежа и вкусна, столь первозданно чиста, что словно бы омоет тебя всего изнутри. И напившись, держа в руках простую глиняную чашку, лишённую изысканных узоров или иных украшательств, кроме удивительно изящной волнистой линии у самого края, ты вдруг ощутишь: эта чашка *целостна*.

И возможно от озарившего тебя в этот миг потрясения, ты даже ослабнешь ногами и сядешь на пол, застланный плетёнными ковриками. Хозяйка дома и её домочадцы лишь рассмеются, совсем не зло, помогут тебе подняться и усадят на скамейку. И ты будешь сидеть и смотреть за их повседневными делами, слушать их речь, немногословную, но столь *полную*, что тебе будет понятно почти всё. И ты заметишь, что полумрак получается благодаря материалу крыши, удивительным образом пропускающим ровно столько света, сколько необходимо, чтобы не уставали глаза. И так же заметишь, что каменные стены, по мере того, как дневная жара уступает место ночному холоду, начинают наполняться теплом. Не удушливым чадным теплом открытого огня, а необыкновенным живым теплом. И взглянув на улыбающую-

юся хозяйку, ты услышишь одно слово «тепло», которое и наполняет жилище.

И тогда даже слезы выступят на твоих глазах, и ты будешь сидеть восхищенный и тогда же – бессильный выразить своё изумление, восхищение и благоговение.

Ты поймёшь в тот миг великую силу, что дана Людям Слова. Они владеют Словом в самом чистом его виде. Им не нужны многочисленные и обременительные дополнения и объяснения, чтобы выражать свой быт, своё окружение, свои чувства. Их речь проста, как и их жизнь, и тем радостнее и легче их жизнь, и речь. Они похожи в своём языке на легчайшие, умеющие летать цветы, наслаждающиеся солнцем, в то время как ты закован своим языком в неподъемные доспехи. Ты влачишь за собой гору, тогда как дети жаркой пустыни, Люди Слова танцующе ступают, не обремененные горами слов и понятий.

Ты будешь безмолвно и почти отчаянно плакать. И вот тогда тебя поймут во всех твоих невысказанных речах. Синеокая хозяйка ласково возьмет тебя за руку и выведет из дома. И ты увидишь в ночи чудо, которое тоже невозможно вместить в знакомый тебе язык.

Посреди селения, над крышами удивительно уютных до-

мов из цельного камня возвышается Храм. Ты без названия его поймешь, что это именно так. Его стены выглядят так, словно их делали искуснейшие резчики по кости: узоры видны на просвет. Его купол высок и так же ажурен, и тебе не хватает твоих знаний, чтобы понять, какие зодчие смогли возвести такое величественное и огромное строение, чтобы оно не рухнуло под собственным весом...

У Храма нет ни стражников, ни священников. Его двери приветливо открыты, и изнутри он озаряется золотистым мягким светом множества свечей. И Храм похож снаружи на волшебный фонарь, расцветающий тысячами тысяч узоров. Ты вступишь под своды его, обеспокоенный тем, что не знаешь, какие надлежит свершать ритуалы и каким здесь молятся богам...

Твоя провожатая мягко проведет тебя дальше, и ты заметишь, что нет внутри ни драгоценных статуй, ни образов, ни алтарей. Один огромный просторный зал, чьим украшением являются сами стены и купол над твоей головой, и светильники. Здесь ты увидишь жителей поселения, тихо и расслаблено сидящих на полу, застланном множеством самотканых ковров. Они сидят тихо, не бьют поклоны, не складывают молитвенно руки. Их лица спокойны, глаза прикрыты, на губах – умиротворенная улыбка. Некоторые словно даже спят, привалившись спиной к резным стенам Храма.

Синеглазая женщина показывает тебе вокруг, предлагая опуститься на пол в любом понравившемся месте. Ты, помешкав, садишься у её ног, и она, улыбнувшись, садится напротив. Потом касается уха и произносит: «Слушай». И все вопросы угасают на твоём языке, когда ты начинаешь *слушать*. В Храме не звучат песнопения и гимны, не щелкают тихонько четки и не шуршат страницы священных книг... Но тихо-тихо льётся через ажурные прорези стен и купола воздух пустыни. Он подобен шепоту, тысячегласному шепоту, в котором каждое слово – Слово.

Ты закрываешь глаза, ты слушаешь... И вдруг осознаешь, что *слышишь*: ты слышишь Тишину. И снова слезы вскипают на твоих глазах, и бегут из-под сомкнутых век. Ты осознаешь: в племени Людей Слова словам воздают почтение Тишиной. Той тишиной, из которой Слово рождается чисто и безпримесно, и в которую оно канет, будучи произнесённым. И так, чистое, оно появляется и исчезает, не облачаясь в шелуху толкований и смыслов.

Женщина мягко трогает тебя за плечо, потом легко поднимается на ноги и снова манит тебя за собой. Не спрашивая и не испытывая тревог и сомнений, ты выходишь вслед за ней в ночь. И твои глаза, освеженные слезами и тишиной Храма, начинают *видеть*. Ты видишь *дома* во всей их полной

и безыскусной красоте, *дома*, в которых так хорошо жить, укрываясь от зноя и ветров. Ты видишь *дорогу*, ведущую через поселение ясно и просто. Ты видишь *ночь*, во всей её богданной красоте того времени суток, когда всё дневное живое отдыхает, а то, что живет ночью, занято своими делами. В этой *ночи* не бесчинствуют неведомые демоны и злые силы, ибо это – *ночь*.

Женщина ведет тебя за собой, насквозь через поселение, дальше от Храма, пока перед вами не вырастает стена скал, изгибающихся подобно исполинскому каменному венцу. Ты слышишь голоса людей, поющие и смеющиеся, слышишь ритмичные хлопки в ладони и звуки музыкальных инструментов. Тебя вводят в круг мужчин. Темноглазые, темноликие они приветливо тебе улыбаются, но осторожно удерживают на месте, когда ты собираешься следовать дальше за своей провожатой. А та идет в круг женщин, собравшихся вокруг огромного очага, в котором горит невысокое пламя. Женщины идут медленным хороводом, взявшись за руки, и *поют*. Ты замираешь, ты теряешь дар речи: ты видишь, как Слова, слетающие с уст поющих, поднимаются вверх зримыми образами. На фоне ночного неба, как на черном холсте в россыпях серебряных звезд, ткуются образы: дом, дорога, очаг, дерево, Храм, человек, собака, дитя... Возникают изысканными мазками мастеров востока – и рассеиваются.

Женщины поют, мужчины отбивают простой ритм в ладоши и играют на глиняных флейтах и двухструнных инструментах...

А ты смотришь, и благоговейный трепет пронизывает всего тебя. Ты видишь чудо: чудо Слова. То самое чудо, о котором читал в одной из священных книг: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...*».

Племя пустыни чудесным образом сберегло Слово. То, что они произносили, таковым и являлось, причем именно являлось: в сознании, в ощущении его слышащего, во всей полноте и ясности. Люди Слова умели возводить *дом*, как лучшее место, чтобы быть домом. Они выкладывали *дорогу*, и та никогда не сбивала путника. Они умели, произнося «*прохлада*», творить под крышей благодатную атмосферу прохлады. Они владели Словом.

И глядя на то, как поют их женщины, ты ощущал и радость, и печаль. Когда тебе настанет срок вернуться, ты не сможешь всеми своими словами описать и объяснить увиденное и услышанное. Ты не сможешь ухватить и высказать все *одним словом*...

Твоего плеча коснется другая рука исполненная твердой силы. Ты очнешься от своих мыслей и увидишь перед собой лицо мужчины, словно вырезанное из дерева. Но его глаза

будут живыми и приветливыми, и такими же синими, как и у женщины, сейчас поющей у огромного очага с остальными. Мужчина потянет тебя за собой, и ты вслед за ним покинешь каменный венец скал. Вы вернетесь в поселение, и ты обнаружишь, что тебя снова ведут к Храму. Ты захочешь сказать об этом, но твой провожатый остановит тебя движением руки и произнесет: «*Смотри*».

И ты снова посмотришь на удивительные стены Храма. А потом заметишь, что из него неспешно выходят все те, кто там был, и становятся поодаль. Когда последний человек покинет ажурные стены, твой провожатый вдруг вскинет обе руки, а вместе с ним – и остальные. И великолепное строение на миг подернется зыбью, а потом – осыпется серебристым песком, что будет подхвачен ветром и унесен прочь.

И ты, потрясенный, будешь стоять и смотреть, как буквально на твоих глазах чудо зодчества рассыпается и исчезает, пока посреди поселения не останется пустая площадка, окруженная людьми. Не будет ни гор битого камня, ни обрывков материи... Чистая и ровная земля, словно чистый лист, обращенный к небу.

И твой синеглазый провожатый внимательно посмотрит на тебя. Потом возьмет за руку и поведет к краю площадки. Он что-то вложит в твою руку, и раскрыв пальцы, ты уви-

дишь камешек, размером не больше зернышка. Такой же покажет тебе в своей ладони твой спутник, и у других окажутся такие. И ты увидишь: каждый подносит ладонь с камешком к самым губам и что-то произносит. А после почтительно опускается на колени и роняет на землю. Вот очередь доходит до тебя, и ты пребываешь в смятении: ты не знаешь, *что* надо сказать...

А потом понимаешь. Подносишь ладонь с каменным зернышком к своему рту и произносишь: «Храм». И в этот же миг ты видишь *Его* весь целиком, от основания до вершины купола. С новыми резными узорами и огромным залом, наполненным тишиной и воздухом пустыни. И ты встаешь на колени и даешь камешку скатиться с твоей ладони. А когда выпрямляешься, ты видишь радостные взгляды синих глаз, и Люди Слова подходят к тебе и касаются тебя своими коричневыми теплыми руками, и говорят: «Друг». И более искреннего признания в дружбе ты не слышал никогда...

И тебе предложат остаться на то время, какое требуется на один лунный цикл. Ты останешься и сможешь увидеть, как оброненные тобой и племенем каменные семена день за днем прорастают в стены и колонны, в узоры и проемы, и в огромный купол. Ты увидишь, как идет жизнь в этом племени, и что жизнь эта не проходит мимо, но свершается каждый миг. Ты обнаружишь, что твоя речь, которой ты так гор-

дился, и богатством которой восхищались в других местах, начинает терять шелуху лишнего. Становится чище, проще и яснее. Ты испытываешь радость от обычных дел, потому что ты наполнен делом так же, как и Слово, обозначающее то или иное действие. Ты ощущаешь, как от тебя самого, словно каменная заскорузлая кожа, отваливается всё то, что ты нарастил за свою жизнь. Ты чувствуешь искренность во всех своих делах, мыслях, и Словах...

И однажды, когда в первую ночь полнолуния ты со всеми Людьми Словаходишь под своды Храма, что возник снова посреди поселения, когда ты *слышишь* Тишину и шепот пустынного ветра, ты чувствуешь и *Бога*...

И ты понимаешь, зачем вскоре будет разрушен Храм: как изреченное Слово уходит в Тишину, так и Храм, возникшей по воле Людей Слова, снова рассыпается в песок, его составляющий. И возникнет снова, и снова исчезнет, как самое искреннее почтение Слову, которое нельзя удерживать понятиями и толкованиями, чтобы оно не утратило свою красоту и божественность...

И однажды, занимаясь своими делами, искренне проникнутый ими, ты вдруг встретишь на краю поселения странника в запыленной одежде и с взглядом диковатым и недоверчивым. Вокруг него будет словно беспрестанно крутить-

ся смерч мелких песчинок, заволакивающих его взор и оглушающих его слух. И ты подойдешь к нему, и протянешь руку, призывая к нему Тишину. И когда он, суетными жестами и множествами слов, попытается что-то тебе сказать, ты просто скажешь ему «*Вода*». И тот путник замрет в онемении, и первую воду, что он вкусит, будет вода твоих глаз – глубоко-синих, как самые драгоценные сапфиры...